

АНТОН ФРИДЛЯНД

СТАЛИНБУРГ

Антон Фридлянд

Сталинбург

«Издательские решения»

Фридлянд А.

Сталинбург / А. Фридлянд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933739-9

Новая книга Антона Фридлянда — едкая сатирическая антиутопия, действие которой происходит в современном СССР, последнем оплоте святости и правой веры.

ISBN 978-5-44-933739-9

© Фридлянд А.
© Издательские решения

Содержание

1. Красный богатырь	6
2. Колесо перемен	9
3. Святой Иосиф	13
4. Союзная энциклопедия	18
5. Лебединое озеро	21
6. Комплексный обед	23
7. Министерство культуры	25
8. Усыпальница Двуглава	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сталинбург

Антон Фридлянд

© Антон Фридлянд, 2018

ISBN 978-5-4493-3739-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Красный богатырь

За окном, на том месте, где прежде находился Храм Христа Спасителя, теперь возвышалось другое сооружение: монументальная голова Сталина высотой не меньше сотни метров, с шевелюрой и усами, покрытыми сусальным золотом, с беломраморным носом и щеками, с приоткрытыми алыми губами, сквозь которые многочисленные паломники проникали в здание, с рубиновыми звездами на погонах, приподнятых над землей. Вокруг головы били в небо высокие струи фонтанов, а на постаменте перед гигантским лицом полукругом располагались гранитные буквы такого размера, что их можно было с легкостью разглядеть и с шестнадцатого этажа. ХРАМ СВЯТОГО ИОСИФА – было написано там.

Всего пару часов назад, утром 27 апреля 2017 года черный автомобиль BMW вез режисера Мэта Кори по утренней Москве в сторону промышленных окраин, и режиссеру было плохо. Было плохо ему от большого количества выпитой вчера водки, от дюжины дорожек кокаина, вынюханных с разных частей тела экзотической тувинской проститутки, а также от четкого и беспощадного осознания того, что никакой он не режиссер, не Мэт и не Кори.

Матвей Корчагин – так на самом деле звали нашего героя – уехал из Москвы пятнадцать лет назад, в возрасте двадцати трех лет, и с тех пор возвращался сюда редко, неохотно и ненадолго. Ему нравилась его жизнь в пригородах Праги, его не супер-успешная, но довольно эффективная карьера клипмейкера и делателя сериалов про ранимых маньяков-убийц и паталогически жестоких главных редакторш глянца. Но более всего ему нравилось ощущение размеренности и предопределенности, сопровождавшее его, когда он читал очередной бездарный, но коммерчески выверенный сценарий, полученный от студии, державшей Мэта на контракте. И его собственная жизнь развивалась по сценарию, к счастью, не такому драматичному и слезоточивому, как сценарии сериалов, но тоже весьма предсказуемому.

Но вернемся в салон автомобиля BMW, где режиссер Матвей Корчагин предается своим невеселым думам. А поскольку от того, что долго думаешь о том, насколько тебе херово, становится еще херовее, Матвей принялся думать о другом, чуть менее херовом – о творческих людях, а точнее о том, почему он их всей душой ненавидит. Дело в том, что все без исключения творческие люди, встречавшиеся на его жизненном пути (а они встречались ему ежедневно и в больших количествах), делились на три типа. Первый тип – бесталанные, но деловые, второй тип – талантливые разгильдяи, а третий – разгильдяи бесталанные. Можно было бы предположить, что где-то существуют талантливые люди с коммерческой жилкой, но такие люди Матвею никогда не встречались, и в их существование он поэтому не очень-то верил. Себя он честно относил к первому типу – осознание этой причастности пришло не сразу: сначала, как водится, юношеское отрицание, потом маргинальная агрессия, после изнурительные торги с самим собой, продюсерами и публикой, затем депрессия среднего возраста и только потом принятие. Что касается старшего брата Матвея, Всеволода Корчагина, по приглашению которого он и прибыл в Москву, то отнести его можно было к той же категории творческих людей, но с важной оговоркой: Сева был гораздо более бесталанен и гораздо более коммерчески успешен.

Как уже было сказано, приезжать в Москву Мэт не любил. Этот город, окончательно покинутый им в начале двухтысячных, остался в его памяти таким, каким был в девяностых – злобным нуворишем-беспредельщиком с золотым зубом и куполами на всю спину. Золота и куполов за последние годы значительно прибавилось, а агрессия, хоть и втиснутая в рамки

регламента, никуда не делась. Так что, если бы не приглашение родного брата, Матвей в Москву не приехал бы, не надрался бы вчера водки в баре пятизвездочного отеля с видом на Храм Христа Спасителя, не нанюхался бы кокса в номере, не совал бы свой завядший от вышеперечисленного член в проститутку с раскосыми глазами, а сегодня бы не ехал в кусках на переднем сидении братского авто, чтобы выбрать локацию для съемок клипа Лики Корчагиной, жены старшего брата и мамы милейшего мальчика Вани, приходившегося Матвеем племянником.

Раз уж мы заговорили про Лику, то она находилась на заднем сидении авто, где, уткнувшись в смартфон, внимательно изучала фоточки конкуренток – певиц более молодых, более привлекательных и зачастую более талантливых, чем она. Но несмотря на явные преимущества, у всех этих телочек не было того, чем располагала Лика – мужа, работавшего генеральным продюсером федерального телеканала. Принимая во внимание этот актив, она могла позволить себе быть не талантливой и не предприимчивой. Она решила, что является певицей два года назад, когда Ваня был отдан в школу. На сегодняшний момент плейлист исполнительницы состоял из девяти видеоклипов, активно транслируемых на телеканале, где служил ее муж. Вот названия этих композиций, если интересно: «Возьми меня с собой», «Преступная любовь», «Холодное солнце», «Безумная весна», «Я тебя оторву и выброшу», «Соперница», «Яд твоих глаз», «Небо над Москвой» и «Зови меня своей». Именно для съемок десятого, юбилейного, клипа из Чехии был вызван Мэт Кори, который не смог отказать заказчику, приняв во внимание родственные связи, а также весьма внушительный гонорар.

Однако если бы прямо сейчас Матвея спросили, как называется песня, на которую ему предстояло снять клип, он не смог бы ответить даже под угрозой того, что его выбросят из машины на полном ходу – несмотря на то, что уже был вынужден прослушать эту песню несколько раз. Впрочем, Лика, сопевшая на заднем сидении, ни о чем его не спрашивала – несмотря на то, что они приходились друг другу родственниками, они, по сути, были мало знакомы. Вот все, что Матвей мог сказать о своей снохе: миловидная блондинка, в свои тридцать два благодаря интенсивным омолаживающим процедурам выглядит на сорок, не обладает ни слухом, ни голосом, при этом любящая жена, заботливая мать и вообще очень приятная барышня, хоть и слегка поехавшая на почве эстрадной карьеры.

Про молодого человека, сидевшего по правую руку от Лики, сразу за спиной Матвея, он смог бы сказать еще меньше, поскольку этим утром увидел его впервые и в родственных связях с ним не состоял. Речь идет о Паше Вильзоне, художнике-постановщике двадцати четырех лет, который трудился на телеканале, возглавляемом Всеволодом Корчагиным. Поскольку этому флегматичному юному креатору (речь, разумеется, идет о Паше, а не о Всеволоде Корчагине, который не юн, не флегматичен и вовсе не креатор) уготовано сыграть важную роль в дальнейших событиях, вашему вниманию предлагается занимательная подборка «10 фактов о Павле Вильзоне»:

- Павел Вильзон носит очки в ярко-красной оправе и ярко-зеленую шапочку, сдвинутую на затылок
- Павел Вильзон не гей
- Павел Вильзон слушает ольдскую группу Queen в наушниках
- Павел Вильзон не смотрит телевизор

- Павел Вильзон считает соцсети заповедником для быдла
- Павел Вильзон очень много времени проводит в соцсетях
- Павел Вильзон – талантливый разгильдяй
- Павел Вильзон ездит на электро-самокате
- Павел Вильзон любит рисовать в блокноте
- Павел Вильзон никому не показывает свои рисунки

Осталось упомянуть Ликиного водителя, уверенной рукой ведущего черный BMW к цели. Этим утром, забирая тело Матвея из отеля, он официально представился после крепкого рукопожатия, но Матвей забыл его имя в тот же момент, как услышал. Если что, водителя зовут Геннадий.

- Приехали, – сказал водитель Геннадий. – «Красный богатырь».

2. Колесо перемен

Орденосный завод «Красный богатырь», построенный в 1953 году, размещался на обширной территории, обнесенной высоким бетонным забором и представлял собой три гигантских куба из рыжего кирпича, соединенных друг с другом наполовину обрушившимися галереями. Помимо громадных кубов по заводской территории было разбросано множество ржавых вагончиков, каптерок, кочегарок и барачков, которыми давно никто не пользовался.

В 1995 году заводским рабочим перестали выплачивать зарплату. Они еще полгода по инерции ходили на работу, а потом даже самые стойкие покинули завод, вынеся оттуда все, что могли вынести. В 1997 году с завода украли те станки, которые можно было увезти на грузовиках, а в 1999 году украли более крупные агрегаты, предварительно разобрав их на металлолом. В 2000 году хотели украсть и сам завод – точнее, землю, на которой он был построен, чтобы возвести на этом месте коттеджный городок, торговый центр с боулингом и еще какую-то хрень, но что-то не заладилось. Так и стоял «Красный богатырь», ожидая лучших времен, которые, судя по всему, для него никогда уже не наступят.

Единственный заводской обитатель, заскорузлый сторож с седой бородой, пропахшей дешевой водкой, луком и сигаретами «Петр I», распахнул перед черным BMW скрипучие ворота (о визите «телевизионщиков» было, разумеется, договорено заранее), и авто вкатилось на территорию. Остановив машину в пятидесяти метрах от центрального куба, водитель Гена с неожиданной для такого здоровяка ловкостью выпрыгнул наружу, чтобы распахнуть дверцу перед Ликой. Паша и Матвей выбрались самостоятельно, причем Матвею пришлось совершить некое усилие, чтобы устоять на ногах – окружавший его мир слегка покачивался, и уловить это движение на зрительном уровне было невозможно, зато его организм колебания пространства ощущал очень четко.

Собственно, на хера я вчера устроил этот загул? – спрашивал себя Матвей Корчагин, брезгливо ступая по осколкам пивных бутылок, сигаретным окуркам и прочему дерьму, усеивавшему путь к цеховой громаде. – Нет бы выпить пару мензурок виски в номере и вздрочнуть перед сном на порнуху из отельного телека. Но, конечно же, он знал, что такой расклад в день приезда был невозможен – Москва действовала на него удручающе, и справиться с этим он мог, только приведя себя в еще более удрученное состояние. А теперь еще эта жена брата со своим клипом и этот хлыщ в яркой шапке, от цвета которой режет глаза, и эта злосчастная промзона с запахом жженой резины и несбывшихся надежд. Да еще вот это вот серое утреннее небо, из которого вот-вот пойдет дождь, а может и не пойдет. Нуар бля.

Тем временем наша троица – режиссер, художник и певица – оказалась у приоткрытых ворот центрального цеха. Изнутри струились волны плесневелого воздуха. Вдохнув это амбре прищуренными ноздрями, Лика заявила, что внутрь не пойдет, подождет снаружи. Зачем тогда приперлась? – подумал Матвей.

– За компанию, – с обидой в голосе ответила Лика, и Матвей понял, что подумал он вслух.

Паша с силой потянул высоченную створку, и она со стоном подалась ему навстречу. Лика вернулась в машину, где вновь предалась изучению конкуренток на экране смартфона, а двое теле-творцов ступили внутрь. Утренний свет едва проникал сквозь грязные окна, и Паше пришлось включить фонарик, выхвативший дохлого левиафана, что возвышался посреди

цехового пространства – неизвестного предназначения агрегат высотой с двухэтажный дом. Неподалеку от него чернел старый советский грузовик со снятыми колесами, а чуть дальше, в глубине квадратного зала – обгоревшая легковушка, модель которой невозможно было определить. У дальней стены летаргическим сном спала целая вереница ржавых монстров – видимо, то, что осталось от конвейера, на котором трудящиеся «Красного богатыря» ковали прекрасное будущее своей великой Родины. Ступая по скрипучим осколкам стекла, Матвей и Паша подошли к двухэтажному агрегату, и режиссер провел рукой по его заскорузлему боку.

– Фактурненько, – выдавил из себя Матвей. – Жаль, света нет.

Паша скользнул лучом фонарика по шербатым стенам, затем круг света достиг потолка, где потонул в многолетней паутине.

– Как ты вообще это место нашел?

– Очень просто, по спутниковой карте, – ответил Паша. – А потом пару раз сюда на самокате съездил.

– Так тут же охрана. Как тебя пропустили?

– Там, за цехами, дыра в заборе – хоть на тракторе заезжай. К тому же, охранник бухой постоянно.

– Дай-ка сюда фонарик.

Матвей, порывав лучом по стенам, нашарил огромную красную звезду, раскинувшуюся почти под потолком. Справа от нее был обнаружен такого же конского размера гипсовый Орден Ленина, а слева – Орден Красного Знамени.

– Надо бы от пыли эту красоту отчистить, – задумчиво произнес режиссер, обведя орденскую планку лучом.

– Хер туда заберешься, – ответил Паша. – Лучше на пост-продакшене забачаем.

– Ну, можно и так.

Обходя по широкой дуге левиафана, упершегося в пол чугунными лапами, Матвей думал о том, что надо бы потом узнать, какие такие компоненты коммунизма штамповала эта адская машина, но тут же признался себе в том, что ему это положительно пох, так же как и песня, которую жена брата собиралась мурчать на фоне станков, так же как и дальнейшая судьба еще не снятого видеоклипа, который, изнасиловав зрительские глаза и уши тысячекратными телеэфирами, потонет затем в неизвестности вместе с Ликой, вместе с ее уважаемым супругом и вместе с ним, Матвеем, срежиссировавшим это мелодраматическое говно.

– Твою ж мать! – воскликнул вдруг режиссер, зацепившись носком ноги за торчавшую из пола скобу.

Чудом не завалившись лицом вперед, он все же удержался на ногах – не в последнюю очередь благодаря Пашке, успевшему ухватить старшего товарища за шкурки. Осветив злосчастную скобу фонариком, Матвей установил, что она привинчена к крышке люка, рванул крышку на себя и в следующую секунду уже заглядывал в темный проем, ведущий вниз.

– Полезли – тут лестница есть, – бросил он Паше, маячившему чуть поодаль.

– Да ну на хер, я не полезу, – ответил юноша, теребя лямку раритетного фотоаппарата, украшавшего его грудь. – Еще неизвестно, что там.

– Вот и узнаем! Как же жажда неизведанного, поиск новых локаций и прочая романтическая херня? Давай, ссыкло!

На самом деле Паша не был ссыклом, хотя действительно побаивался того, что можно было встретить в заводском подвале – крыс, пауков и мумифицированного трупа какого-нибудь передовика производства. Наблюдая за тем, как режиссер, зажав в зубах фонарик, спускается вниз по вертикальной лестнице со стержнями-перекладинами, он размышлял о том, что Матвей Корчагин воистину достоин уважения. Давно работая с самыми разными режиссерами, в том числе иностранными, Пашка прекрасно мог отличить алкогольное похмелье от кокаинового – так же, как мог на глаз установить, сколько таблеток экстази сожрал вчера тот или иной деятель искусств. И то, что режиссер, к которому он был сегодня приставлен, несмотря ни на что сохранял профессиональное любопытство, это определенно вызывало уважение, заставившее Пашу последовать за Матвеем в темную дыру.

Подвальное помещение, в котором они оказались, обладало невысоким потолком и влажными стенами – на одной из них Матвей обнаружил рубильник, дернул его наудачу, и лампочка без абажура осветила довольно странное место. Режиссер и художник ожидали увидеть катакомбы такие же огромные, как и простиравшийся над ними цех, но оказались в довольно компактном квадратном зальчике, который можно было измерить десятком шагов. В центре этого зала торчал из пола внушительных размеров круглый вентиль, служивший, должно быть, неким водопроводным целям – от него в разные стороны ползли две толстые трубы, нырявшие в проломы в стенах. Вместо ожидаемого срача обнаружилось вполне себе обжитое помещение – аккуратно прибранное (веник и совок были прислонены к одной из стен), меблированное продавленным креслом неясного цвета и журнальным столиком, с гипсовым бюстом Ленина на обтянутой парчой тумбочке в одном углу и этажеркой с книгами в другом. Судя по всему, жилище какого-то интеллигентного бомжа или же оригинала-маргинала.

– Есть тут кто? – кликнул Матвей, но не получил ответа: лишь жалобно пискнула крыса за стеной и коснулся лица теплый подземный ветерок. – Может, здесь тоже что-нибудь поднимем?

– Места маловато, – заметил Паша. – Хотя эта хрень колоритная, конечно.

Погладив ладонью округлый бок чугунного вентиля, молодой человек отступил назад, чтобы сделать несколько кадров со вспышкой. Серия сполохов ударила Матвея по глазам, и он, закрыв лицо ладонью, отшатнулся в сторону. Очертания комнаты задрожали, гипсовый Ленин недобро взглянул исподлобья, к горлу рванула тошнота. Чтобы устоять на ногах, режиссер ухватился за вентиль, и тот с протяжным скрипом провернулся на четверть оборота. Металл показался Матвею обжигающе горячим, хотя, как он прекрасно понимал даже в полузабытье, такого быть не могло.

Вслед за поворотом чугунного колеса лампочка под потолком, ярко вспыхнув, погасла, и в неожиданной темноте мощная струя затхлого воздуха ударила сталкеров по спинам. Пол под ногами мягко, но отчетливо завибрировал – как будто где-то неглубоко пронесся по рельсам поезд метро, хотя никакого метрополитена в этом районе не было. Затем дрожь утихла, и темнота соединилась с тишиной.

– Что это было? – сдавленным голосом произнес Паша, пытаясь нашарить в сумке фонарик.

– Без понятия, – ответил ему Матвей. – Давай выбираться отсюда.

Но не успели они добраться до лестницы, как неожиданно случилось нечто странное. Настолько странное и настолько неожиданно, что ни Матвей, ни Паша не успели понять, что именно произошло.

3. Святой Иосиф

Матвей пришел в себя, лежа лицом вниз неподалеку от цеха. Первое, что он увидел – асфальт в мелких трещинах, сквозь которые пробивалась трава, а также двоих муравьев, ошалело бегавших по кругу. Оторвав туловище от земли, он сел и обхватив колени руками, вопросительно уставился на сидевшего рядом Пашу.

– Что это было? Взрыв газа?

Пашка лишь покачал головой.

– Если бы взрыв – нас бы по кускам сюда выбросило, – ответил он. – А мы, вроде, целы. Ну, я так точно.

– А как мы здесь оказались? Нас сюда вынес кто-то? Но мы ведь одни там были...

– Может, водитель Лики?

– Вон он, возле машины. Пойдем спросим.

Паша помог Матвею подняться на ноги. Апрельское солнце уже пробило лучами смог и теперь нещадно жарило заводской плац. Режиссер выудил из кармана мятого пиджака солнцезащитные очки и спрятал за ними свои красные глаза, Паша последовал его примеру. Головная боль до сих пор не оставила режиссера в покое – она бродила из одного полушария в другое, словно выбирая, где ей поселиться и все никак не могла выбрать. Матвей потер виски, прикидывая, что ему не помешала бы бутылка воды и пара таблеток аспирина – дай бог, чтоб в машине нашлось и то, и другое.

От мыслей о чудесном спасении его отвлек удар локтем в бок – Паша указывал куда-то в небо, и проследив за его пальцем, Матвей увидел пузатый дирижабль, ленивой рыбиной плывущий под облаками. Встретить подобный летательный аппарат в небе над Москвой – явление само по себе неординарное. Но еще более удивителен был символ, красовавшийся на серебряном боку дирижабля: красная пятиконечная звезда с вписанным в нее двуглавым орлом.

– Наверно, фильм снимают, – предположил режиссер, придерживая очки, чтобы они не свалились с запрокинутой головы.

– Странно все это, – задумчиво произнес Паша.

В это время дирижабль, повинуясь потокам воздуха, развернулся к зрителям другим боком, и они прочитали на нем слоган: 100 ЛЕТ ОКТЯБРЯ. Ну да, 2017 год, – подумал Матвей, – столетний юбилей революции. Но с какого перепугу эту дату так пышно празднуют в Москве? Впрочем, сейчас это не имело значения. Нужно поскорее добраться до аспирина, потом до отеля, затем – до кровати. И тут Матвей заметил, что вместо черного BMW на плацу стояла другая машина – тоже черная, но другая. Сомнений не было – это «Чайка». Что удивительно, казалась она не раритетом на колесах, а совершенно новенькой, глянцевой – будто вчера сошла с конвейера. И если бы не знакомая физиономия водителя, маячившая рядом с авто, режиссер решил бы, что окончательно потерял связь с реальностью. Жены брата не было ни возле машины, ни в салоне.

– А где хозяйка? – обратился Матвей к водиле.

Тот почему-то вытянулся во фронт и, глупо ухмыляясь, ответил:

- Домой поехала.
- Почему же она уехала?
- Не могу знать, – все так же по-дурацки скалясь, отчеканил водитель.

Значит, она отчалила на бимере, а за нами прислала вот это чудо советского автопрома, – решил Матвей. Могла бы хоть записку оставить. Ну да ладно.

– Едем в гостиницу?

Режиссер кивнул. Вместе с Пашей они забрались на заднее сидение, и автомобиль тронулся. Матвей нашел желанную бутылку минералки и осушил ее несколькими глотками. Аспирин в машине не оказалось. Паша, отказавшись от минералки, молча пялился в окно. Странное дело – промзона давно уже должна была закончиться, но она все длилась и длилась. Поначалу он даже решил, что они едут не в ту сторону, но вскоре машина выскочила на знакомый проспект и полетела по нему в направлении центра. Заводские коробки сменились блоками многоэтажек, и было в этом городском ландшафте что-то новое, чего он не замечал прежде. Казалось, будто изменилась сама архитектура: вместо стекла и бетона московского сити – перемежающийся с обшарпанными хрущевками сталинский ампи́р, взметающийся колоннами в облака, увенчанный серпами, молотами и необъятными снопами пшеницы. Но еще более удивительны были рекламные плакаты на брендмауэрах домов. СЛУЖУ СВЯЩЕННОМУ СОЮЗУ! – прочитал Паша на одном из этих гигантских баннеров, когда автомобиль сбавил скорость, приблизившись к перекрестку. Под пятиметровыми буквами этого горделивого слогана в глянцево-идиотической манере были изображены трое: с левой стороны – мускулистый рабочий с молотом наперевес, справа – поп с окладистой бородой и дымящимся кадиллом, а в центре – пышногрудая светловолосая селянка в красном платье, обнимавшая молочный бидон. Паша повернулся к Матвею, словно ожидая от него объяснений, но тот спал с запрокинутой головой, приоткрыв рот и спрятав глаза за шорами очков.

Следующий плакат, попавшийся на глаза молодому человеку, изображал Ленина и Сталина, развернувшихся друг к другу таким манером, словно собирались слиться в страстном поцелуе. Над их многометровыми головами был обозначен контур двуглавого орла с алой звездой на пузе, а ниже красовалась надпись: ЗАВЕТАМ ДВУГЛАВА ВЕРНЫ! «Чайка» выехала на эстакаду, с которой открывался вид на город, и перед глазами Паши пронеслась целая вереница многоэтажной агитации. То, что он увидел, за секунду привело его к предобморочному состоянию, и лишь обычная для него флегматичность не дала скатиться в истерику.

ДАДИМ ОТПОР ЯЗЫЧНИКАМ-ИМПЕРИАЛИСТАМ!

ВЕРНУЛИ КУБУ – ВЕРНЕМ И АЛЯСКУ!

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСКАЯ – СРАЖАЕМСЯ ДО ПОБЕДЫ!

Когда машина проплыла мимо трех одинаковых шестнадцатизэтажек, расположенных по диагонали к проспекту, крыши которых украшали буквы «МИР! ТРУД! ВЕРА!», Паша растолкал режиссера.

– Матвей, нужно поговорить!

– Что? Что случилось? Я только заснул!

Вместо ответа Паша указал ему на билборд, где кровожадный красноармеец лупил прикладом автомата тощего Дядю Сэма в звездно-полосатом цилиндре и фартуке с треугольником на груди: МАСОНЫ НЕ ПРОЙДУТ!

– Что это за...? – удивился Матвей спросонья.
– Тут повсюду такое, – выдал из себя Паша.
– Мы точно в Москве? Куда этот хрен нас завез?

Водитель покосился на них в зеркало заднего вида, но сохранил невозмутимое выражение лица.

– Эй, любезный... – обратился Матвей к водителю.
– Гена, – подсказал ему Паша.
– Да, Гена, останови-ка на минутку – нам воздухом подышать нужно.

Спустя минуту Гена вырулил в боковой «карман», где двое вывалились из машины и, отойдя чуть поодаль, принялись дышать загазованным воздухом.

– Сигарета есть? – спросил режиссер.
– Только вейп.
– Что?
– Электронная сигарета.
– Не, я эту херню не курю, – ответил Матвей. – Я вообще не курю. Но сейчас надо.

Он заметил валявшуюся на обочине смятую пачку, нагнулся за ней, расправил – папиросы «Звезда». Внутри картонки оказалась одна наполовину вытрушенная гильза. Закрутив бантиком ее кончик, Матвей засунул папиросу в рот. Зажигалки у него не оказалось, у Паши – тоже.

– Эй, отец, огоньку не найдется? – обратился Матвей к потрепанному мужичонке, ковылявшему вдоль трассы с авоськой жестянок из-под пива.

«Отец» протянул ему коробок спичек, режиссер закурил, закашлялся, вернул спички бродяге.

– Товарищ, помоги копеечкой, – попросил мужичонка.

Чтобы поскорее избавиться от собирателя жестянок, Матвей достал бумажник и, не обнаружив в нем местной валюты, протянул мужику купюру в пять евро. Приняв этот щедрый дар, мужик впал в оцепенение и даже выронил на асфальт громыхнувшую авоську.

– Ступай, батя, ступай, – поторопил его даритель, и только тогда мужик поковылял дальше, то и дело оглядываясь и что-то бормоча под нос.

– Матвей, куда мы попали? – произнес Паша, стараясь держать себя в руках.
– Ну и дерьмо, – прохрипел режиссер, отбрасывая в сторону зловонную папиросу. – Ты на машины-то посмотри.

Паша, стоявший спиной к проезжей части, развернулся и тут же понял, что привлекло внимание его спутника. На восьмиполосном проспекте нельзя было увидеть ни одной иномарки – только «Жигули», «Волги», «Запорожцы», «Нивы» и «Победы». Были среди них и потрепанные экземпляры, но немало было и совсем новеньких. Вереницу образцов советского автопрома взрезал оборудованный мигалками «ЗИЛ» цвета мокрого асфальта— отгеснив несколько машин к обочине, он горделиво унесся вдаль.

– По ходу, Павлик, мы в «совке» оказались, – сказал Матвей, сам до конца не веря, что произносит эти слова.

– В смысле? – Пашка не смог придумать ничего умнее этого вопроса.

– Сам в шоке. Давай-ка вспомним, что было в этом подвале. Ведь до подвала-то все было ок, верно?

Паша попытался вспомнить.

– Я начал фотографировать, потом вы вот так качнулись, ухватились за это колесо... А потом мы оказались наверху – непонятно как...

– Точно, колесо! – воскликнул режиссер. – Вернее, не колесо, а вентиль. Я когда хватался за него, оно провернулось, кажется...

– Но не могло же из-за этого все так измениться... – недоверчиво пробормотал Пашка.

– Согласен, звучит бредово. Но вокруг все еще бредовее. Другой версии, кроме колеса, у нас все равно нет. Ты ведь знаешь про взмах крыльев бабочки и другую подобную пургу?

– Если дело в колесе, которое вы повернули, значит, нужно вернуться на завод и повернуть обратно.

– Сейчас возвращаться палевно. Водила на нас и так уже косится.

– А что делать-то тогда?

Матвей прошелся взад-вперед вдоль трассы, засунув руки в карманы.

– В общем, план такой, – произнес он наконец. – Едем сейчас в отель, как и планировали. Там по любому должен быть интернет – пробьем все и пойдем, куда мы влипли. А потом уже поедем на завод и попробуем вернуть как было. Все понятно?

Паше было понятно не все, но он решил промолчать. В полнейшей тишине они добрались до отеля, который еще утром назывался «Витязь Резорт», а теперь над входом в него виднелась вывеска «Гостиница Колхозная». Матвей велел водителю дожидаться в машине дальнейших распоряжений и вместе с Пашей поднялся на верхний, шестнадцатый этаж, где размещался его люкс. Он не мог воссоздать в памяти прежний интерьер отеля, но готов был поспорить, что раньше в лобби не было ковра с орнаментом из серпов и колосьев, а на стене лифта – плаката «Развивайте в колхозах художественную самодеятельность».

Окна были занавешены – такими он оставил их, когда в полуобмороке выползал из номера поутру. Матвей включил свет, сбросил пиджак и туфли, заглянул в мини-бар. Паша в изнеможении упал в кресло.

– Будешь пить? – предложил режиссер своему гостю. – Есть водка «Столичная», пиво «Жигулевское» и еще «Боржоми».

– Я водички попью.

Он протянул Пашке бутылку воды, открыл пиво, подошел к окну и раздвинул шторы. Пивная банка выпала у него из рук и, плюясь пеной, покатилась по ковру – перед его глазами возник Храм Святого Иосифа.

4. Союзная энциклопедия

Пока Паша пытался подключить клавиатуру к телевизору марки «Рубин», чтобы воспользоваться интернетом, Матвей провел небольшую инспекцию своего номера. Интерьер, насколько он мог судить, почти не изменился – все те же дубовые панели на стенах, зеленый ковролин, дурацкая люстра и плотные коричневые портьеры. Хотя, быть может, убранство его люкса прежде выглядело совсем по-другому – все время, проведенное здесь прошлым вечером и сегодняшним утром, он пребывал в таком состоянии, когда на детали интерьера особого внимания не обращаешь. Что касается бытовых мелочей, то тут изменения бросались в глаза на каждом шагу. В ванной комнате Матвей обнаружил мыло «Пионер», полотенца и халаты, произведенные фабрикой «Большевичка», на журнальном столике – газеты «Труд» и «Правда», а также журналы «Крестьянка» и «Колхозник». В противоположных углах комнаты подобно образкам висели небольшие портретики Ленина и Сталина, на потолке была изображена стрелка, указывающая направление к Усыпальнице Двуглава.

Наконец Пашка сумел совладать с советской техникой, и на мониторе высветилось окно браузера. Он вбил адрес Википедии, но был перенаправлен на сайт Большой Союзной Энциклопедии, где первым делом ввел запрос «СССР». Тут напарники открыли для себя много нового, отчего тут же припухли. Союз Священных Суверенных Республик или просто Священный Союз был образован в 1922 году и включал в себя 16 республик. Позднее других к Священному Союзу присоединилась Куба – в 1961 году. Ни о каком распаде СССР в статье речь не шла, но это было понятно и без энциклопедии. Особо доставил читателей стиль повествования, в котором сухие канцелярские обороты соседствовали с высокопарным слогом, почти былинным. Так отечественные военные именовались не иначе как славными витязями и богатырями, трудящиеся – солью земли и героическими строителями будущего, колхозники – праведными пахарями, а весь народ проходил под грифом «правоверная нация». Правоверием, как выяснилось при переходе по ссылке, назывался единственно верный образ жизни и мышления, составляющий генетический код союзного народа.

Следующая статья, с которой ознакомились изрядно припухшие читатели, была посвящена Москве. Как выяснилось, Москва – это прежнее название Сталинбурга, столицы и крупнейшего города Священного Союза. Нынешнее название указом ЦК ПКСС было присвоено столице в трагическом для всей страны 1953 году, в год успения Иосифа Виссарионовича Сталина или Святого Иосифа (к рангу святых он был причислен отдельным указом в том же году). Паша кликнул на ссылку «ЦК ПКСС», и энциклопедия поведала, что Центральный Комитет Правоверной Коммуны Священного Союза возглавляется вечно живым Святейшим Двуглавым, исполнителем воли которого служит вся правоверная нация и каждый ее представитель в отдельности. Иллюстрация к статье являла собой фото мавзолея, который вместо фамилии «Ленин» украшала надпись «Усыпальница Святейшего Двуглава». В этот момент монитор погас, а затем на нем появилось уведомление, сообщавшее, что согласно правилам проживания в гостинице «Колхозная», интернет можно использовать не более пятнадцати минут в течение одного часа.

– Что за херня, товарищ? – вырвалось у Пашки.

Вместо ответа Матвей приложил палец к губам и поманил юношу в сторону ванной комнаты, где включил воду на полную мощность и только после этого заговорил.

– В номере общаться небезопасно – могут быть «жучки». Ясно одно: мы с тобой попали в какую-то поцоватую параллельную реальность, где Союз никогда не распадался...

– А коммунизм стал религией, – закончил за него Паша.

– Если бы тебя здесь не было, я бы решил, что тронулся мозгами. Но ты-то видишь то же, что и я?

Вильзон кивнул.

– Впрочем, ты тоже можешь быть частью моей галлюцинации... Но тогда это полный аутизм и лучше об этом не думать, – с печалью в голосе произнес Матвей.

– Не, я точно не галлюцинация, – уверенно ответил его собеседник.

– А что еще ты можешь сказать?

– Что будем делать, Мэт? Давайте вернемся на завод!

– Не называй меня «Мэт» – лучше «Матвей», чтобы не палиться. И давай на ты.

– Хорошо, Матвей. Так что, когда поедем?

– Сейчас, вещи соберу и порулим. Но я бы, честно говоря, на фокус с вентилем особо не рассчитывал. Может, сработает, а может, и нет – фифти-фифти. По любому нужен план-Б.

– Какой тут может быть план-Б? – удивился Паша.

– Валить за бугор из этого гребаного «совка».

– Думаешь, это так просто?

– Не забывай, я гражданин другой страны.

– А я?

– И тебя вытащим, – режиссер закрыл кран.

Они вернулись в комнату. Паша занялся изучением прессы, валявшейся на журнальном столике, а Матвей полез в шкаф, где оставил вчера свою дорожную сумку с узором из букв L и V. Вместо дорожной сумки, подаренной бывшей женой, он нашел там довольно унылого вида коричневый чемоданчик с наклейкой «Аэрофлота» на боку. Щелкнув замками, он заглянул внутрь – там обнаружился ворох одежды (преобладала серо-буро-коричневая гамма), электробритву в дерматиновом футляре, одеколон «Саша» и томик Ремарка. Во внутреннем кармане чемоданчика лежал загранпаспорт гражданина Священного Союза. Последняя находка несколько снижала шансы вырваться за пределы советской действительности, но Матвей решил пока не делиться с Пашей своими опасениями. Тут можно было бы сказать, что он ожидал, будто вот-вот проснется, но на самом деле ничего подобного он уже не ждал. Похмелье отпустило его, и все происходящее виделось теперь абсолютно реальным – даже более реальным, чем можно было себе представить. От горестных раздумий его отвлек телефонный звонок – это был водитель Гена, сообщивший, что Матвея ожидает товарищ министр, и выезжать нужно прямо сейчас.

– Кто? – переспросил Матвей, не сумев скрыть удивления.

– Всеволод Сергеевич, – ответил водитель, тоже удивленным тоном.

Матвей положил трубку на рычаг, потер виски, глянул на себя в зеркало. Выглядел он довольно потрепано, но бывало и хуже. Новость о том, что его брат в дивном новом мире служит министром, его приободрила. Хоть и непонятно, какой именно министр, но связи у Севы определенно были неслабые, а значит, Матвей сможет ими в случае чего воспользоваться.

– Мне нужно с братом встретиться, – сообщил он Паше. – А ты сиди в номере, никуда не звони и не ходи.

- Мы ведь на завод собирались...
- Успеем, не ссы. Если я брата продинамлю, не будет нам никакого завода.

Паша хотел было возразить, но решил, что будет вернее помалкивать. Когда Матвей вышел из номера, он уселся перед телевизором с бутылкой «Боржоми» и погрузился в прекрасные грезы местной пропаганды.

5. Лебединое озеро

Телеканалов было семь и каждый из них обладал четкой специализацией. Поначалу Паша проклацал их все в ускоренном режиме, а затем углубился в каждый из них на несколько минут.

Первый канал, новостной, носил название «Звезда», и его пятиконечная эмблема алела в правом нижнем углу экрана. Паша застал конец выпуска новостей, где суммировались главные события дня. «Генеральный секретарь ЦК ПКСС наградил отважного китобоя орденом Красной Хоругви». «Американские диверсанты осквернили Обелиск Правоверного Воина языческими ритуалами». «Священный огонь снизошел на стомиллионного паломника». «Союзные ученые разработали усовершенствованную модель Воротника Правды». «Милицией прекращены беспорядки в квартале еретиков, жертв среди коммунаров нет». Эти и другие новости подавались ярко-красными анимированными титрами, на фоне сочных фотографий.

К примеру, известие про священный огонь было почему-то проиллюстрировано шапкой Мономаха, а сообщение про Воротник Правды – металлическим ошейником, надетым на миловидную девушку. Что касается новости про прекращение беспорядков, то иллюстрация рвала шаблон еще более основательно: она изображала румяного милиционера, который лупил селфи на фоне виселицы с тремя трупами.

Выпуск новостей сменился студийным эфиром – программой «Благая весть». На фоне огромного монитора с изображением синюшной карты мира появился похожий на жабу ведущий в отличном темно-синем костюме, белой рубашке, красном галстуке и красной же звездой в петлице. На короткой шее, чуть выше галстучного узла Паша заметил блистающий в свете софитов стальной ошейник – такой же, как показывали в выпуске новостей. Шоумен, которого, как сообщил титр в нижней части экрана, звали Денис Сбитнев, сложил пальцы домиком на животе и патетическим тоном произнес:

– Не секрет, что сегодня, в преддверии эпохального дня – столетия Великой Октябрьской революции, наши враги особенно активизировались. Они хотят испортить этот праздник, священный для всего правоверного народа... Удастся ли им это? Нет, не удастся!

Быстрым движением языка он облизнул губы, словно проглотив невидимую муху и продолжил:

– Со всех сторон завистливые глаза, налитые кровью, наблюдают за славными успехами Священного Союза. Похотливые католики-мужеложцы на западе, алчные язычники на востоке, провонявшиеся селедкой идолопоклонники на севере, кровожадные исламисты на юге... Что мы можем противопоставить им, братья и сестры, в этой священной войне? Острые штыки и быстрые ракеты – скажете вы. Да, друзья мои, но это лишь орудие нашей силы, а не сама сила! А в чем наша истинная сила, соотечественники? Наша сила в вере! – он перешел на крик. – В священной вере, что сдвигает с места горы и поворачивает полноводные реки вспять! Наша вера повергает в прах врагов, а сердца друзей заставляет...

Будучи не в силах больше слушать это, Паша щелкнул пультом, переключив телевизор на канал под названием «Серп». Поначалу он решил, что этот канал – эротический. Экран заполнила необъятная молочная грудь, рвущаяся навстречу камере из льняного платья, украшенного национальным орнаментом, в который были вплетены серпы, молоты и багряные

звезды. Выдающаяся грудь принадлежала молоденькой девушке с заплетенными в толстую косу пшеничными волосами и широкими веснушчатými скулами. Проникновенным голосом она пылко вещала о чем-то, а когда Паша, переборов неожиданное возбуждение, вслушался в ее слова, то понял, что девица сообщает о резком увеличении надоев на всей территории бескрайнего Священного Союза, о бурно колосющейся ржи и о душистом навозе, щедро удобряющем плодородные поля, тянущиеся до самого горизонта...

Следующий телеканал, удостоенный вниманием юного зрителя, именовался «Молот», и в центре его внимания были удивительные успехи союзной промышленности. Глянцевые чугунные болванки плыли по экрану, аппетитно лилась расплавленная сталь, ритмичными фрикциями механические молоты долбили по наковальням, гудели станки, дымили заводы, неслись во все стороны под завязку загруженные вагоны, грузовики и пароходы. Все это с придыханием комментировал невидимый диктор, сыпавший таким количеством данных, что от обилия цифр у Паши сдавило виски, и он торопливо переключил на другую программу.

Телеканал «Штык», как несложно было догадаться по его названию, был посвящен военным успехам Священного Союза. Одетая в камуфляж брюнетка стервозного вида долго интервьюировала прыщавых солдатиков, извальявшихся в грязи на полосе препятствий. Затем по волшебству монтажной склейки она перенеслась на завод, где восславил боевые достоинства новейшего ракетного комплекса «Исмаэль», после чего был продемонстрирован динамичный клип с «Исмаэлем» в главной роли и с бравым военным маршем в качестве музыкальной подложки. Вот «Исмаэль» выкатывается из заводского цеха, его освящает пузатый поп, затем ракетный комплекс гордо проезжает по Красной площади во главе парада, а в следующую секунду он уже обрушивает всю свою мощь на головы исламских повстанцев, заставляя их разлетаться в клочья пред лицом правоверного величия. Паша, в силу своей нежной натуры не любивший расчлененку на экране, брезгливо переключил канал.

«Культура» – было написано в нижнем углу экрана, и какое-то время Паша смотрел фильм, казавшийся ему смутно знакомым. Потом понял, что это раскрашенная версия киноленты «Касабланка», на которую были наложены голоса актеров из фильма «Сталинград» и музыка из сериала «Семнадцать мгновений весны».

– Сука! Зачем? – ни к кому не обращаясь, произнес Паша и тут же переключился на канал «Святыня».

Пожалуй, это был самый медитативный телеканал из всех, которые ему доводилось видеть. Трансляция статичной камеры велась из мавзолея, где в хрустальных гробах возлежали два спящих принца – Ленин и Сталин. Их восковые лица хранили на себе печать безмятежности, а к вискам были присоединены провода, уходившие за пределы экрана. Паша подождал несколько минут, надеясь, что картинка сменится, но мумии, как им и следовало, оставались неподвижными, а в кадре никто появиться не осмелился.

Последний из телеканалов, с которыми Паша познакомился в этот день, носил название «Озеро», и название это абсолютно соответствовало содержанию. На канале в режиме нон-стоп транслировался балет «Лебединое озеро». Под проникновенную музыку Чайковского балерины в белых пачках стригли воздух жилистыми ногами, и от зрелища этого сквозило такой безнадежностью, что Паше захотелось вдруг выброситься из окна. Но, переборов это желание, он выключил телевизор, откупорил банку «Жигулевского» и осушил ее жадно, хоть и без удовольствия.

6. Комплексный обед

Посмотрев на часы, Паша понял, что посвятил заппингу больше часа. А это означало, что снова можно воспользоваться интернетом. Первым делом он загуглил свое имя (точнее зазвездил, поскольку единственная доступная поисковая система называлась «Звезда»), ничего не нашел и не удивился этому. Вслед за этим он набрал имя своего старшего товарища, и поиск выдал ему целую кучу статей, первая из которых была опубликована не где-нибудь, а в Большой Советской Энциклопедии.

Из энциклопедии Пашка узнал, что его товарищ, младший брат видного деятеля культуры Всеволода Сергеевича Корчагина, родился в Сталинбурге в 1979 году, отучился во ВГИКе на факультете кинорежиссуры, а затем был направлен в Чехословакию для укрепления культурных связей между дружественными государствами. Там при поддержке Союза кинематографистов СССР он снял пять художественных фильмов, самый известный из которых – чехословацкая экранизация романа «Как закалялась сталь». Кроме того, в его фильмографии – три документальных ленты: «Правверная Чехословакия», «Пражская весна» и «Гитлер на службе Пентагона». Награжден двумя государственными премиями, одна из которых присуждена министерством культуры Чехословакии, другая – аналогичным министерством Священного Союза. Паша подумал, что Пентагон вряд ли стал бы брать на службу Гитлера, но по сравнению со всеми остальными несуразницами сегодняшнего дня эта выглядела мелочью.

Он почувствовал, что страшно голоден, ведь с самого утра ничего не ел. В мини-баре кроме напитков ничего не было – даже заваливающего пакетика орешков. Попытался заказать доставку еды, но номер ресторана, найденный им в справочнике на тумбочке, не отвечал. Покидать комнату, а тем более отель в отсутствие Матвея было неразумно, но у Паши не было выбора – желудок сводило от голода. Он решил пообедать в гостиничном ресторане и, оставив рюкзак в номере, спустился на первый этаж.

Ресторан посетителей не принимал – на его двери висела табличка «Закрето на спецобслуживание». К счастью, на том же этаже размещался буфет, из открытых дверей которого тянуло густым запахом какого-то мясного варева. Войдя внутрь, Паша убедился, что на большей части столиков стоят таблички «Стол заказан». Несмотря на обеденное время, были заняты только три стола: в центре зала сидела компания аниматоров из трех человек, а по бокам от них – двое мужчин в серых костюмах. Один из них, сидевший за столиком слева, пил чай из граненого стакана, внимательно изучая газету «Правда», другой же, за столиком справа, пил кофе, дымя папиросой. Эти два типа были похожи друг на друга словно двойняшки, и на обоих были надеты металлические ошейники, такие же, как те, что Паша видел сегодня по телевизору.

Заказав у полногрудой тетки в несвежем фартуке, надетом поверх национального платья в пол, комплексный обед №1 (борщ, капустный салат, котлета с картофельным пюре, компот и булочка), Паша занял свободный столик и принялся с любопытством наблюдать за аниматорами, одетыми в яркие звездно-полосатые костюмы и такой же расцветки карикатурные цилиндры. Как ни странно, трое мужчин, наряженных в таком примечательном стиле, говорили по-английски, с отчетливым американским акцентом. Прислушавшись к их разговору, он с удивлением понял, что перед ним американские туристы. Попивая чай из стоявшего в центре стола самовара, иностранцы обсуждали дешевизну жизни в Сталинбурге и необычайную непо-

средственность местных жителей. Затем один из них, судя по всему, не в первый раз выказал недоумение по поводу того, что все американцы во время пребывания в Священном Союзе должны носить эту нелепую униформу. Судя по выражению лиц его друзей, они также были недовольны данным обстоятельством, но разговор на эту тему не поддержали.

Телевизор, установленный над стойкой бара, транслировал канал «Культура». Показывали концерт под названием «Пляски на Аляске». Солист группы «Красный есаул» в френче, увешанном орденами, допел песню «Не валяй дурака, Америка», и его сменил высокий кудрявый брюнет педерастической наружности, наряженный медведем. Он исполнил заводную песенку «Ой, мама, разбомбим, разбомбим!», помахивая надувной двухметровой бомбой. Этим муляжом во время каждого припева он с размаху лупил американского империалиста, которого вытолкнули из-за кулис танцовщицы в отороченных мехом эскимосских нарядах. Актер, изображавший американца, был одет в точности так же, как американцы, сидевшие неподалеку от телевизора. Паша скосил глаза, чтобы понаблюдать за их реакцией на перформанс, но зарубежные туристы сидели к экрану боком и концертом не интересовались.

Тем временем буфетчица принялась подносить к Пашиному столу заказанную им еду. Первым делом появился граненый стакан с марганцевого цвета компотом, накрытый пузатой сдобной булочкой. Спустя несколько минут – котлета с гарниром, тут же за ней – борщ, а когда Паша разделался со всем этим, на столе перед ним возникла фарфоровая миска с крупно порубленной капустой, залитой подсолнечным маслом. Вся эта стряпня была не то чтобы невкусной, но каждой своей молекулой напоминала привыкшему к хумусу, фалафелю и митболам юноше про заводской обед или трапезу хлебороба (ни того, ни другого он, естественно, никогда в жизни не пробовал).

Вытерев губы крахмальной салфеткой, Паша попросил у буфетчицы счет, и когда тетка положила перед ним лоскут серой бумаги со столбцом из цифр, увидел, что весь банкет обошелся ему в два рубля пятнадцать копеек. Порывшись в кошельке, он достал сторублевую купюру. Буфетчица приняла сторублевку с таким видом, словно ей протянули живого скорпиона. По дороге к кассе она внимательно разглядывала купюру и даже изучила ее на просвет. Потом тетка изменила маршрут и, остановившись у столика, за которым сидел мужчина с кофе, положила сотню перед ним. Тот, ничего не сказав, достал из кармана полиэтиленовый пакетик, с помощью пинцета засунул в него купюру и, поднявшись со стула, вальяжной походкой направился к Паше.

Почуввав неладное, Пашка дернулся в сторону выхода, но второй мужик в сером костюме преградил ему путь. Вдвоем напарники технично скрутили парня на глазах у американских туристов, защелкнули за его спиной наручники и выволокли из буфета.

7. Министерство культуры

«Чайка» заехала на служебную парковку Министерства культуры, и Матвей выбрался наружу, щурясь от солнца. Министерство занимало два разностильных здания, соединенные друг с другом перемышкой. Одно из них, фронтон которого украшали золотые буквы «МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА», представляло собой типичный мраморный высер советского монументального зодчества. Второе, расположенное правее, являло собой уютный бело-голубой особнячок с высокими узкими окнами.

Водитель проводил Матвея до проходной, где его ждал выписанный пропуск, а дальше какой-то юноша в алой косоворотке повел его по коридорам, заполненным хлопотливыми клерками. Разглядывая встречных, режиссер подтвердил свой вывод, сделанный по дороге сюда. Все жители Сталинбурга отдавали предпочтение одному из трех стилей одежды: национальные наряды, военные кители и церковное облачение (на территории министерства преобладала первая категория). По смене интерьера визитер понял, что, оставив позади мраморную пристройку, они оказались на территории особняка. Там сопровождающий направил его к гробоподобному лифту, рассчитанному на одну персону и велел подняться на четвертый этаж: там вас встретят.

Выйдя из лифта, Матвей очутился в просторной приемной, стены которой были обиты панелями из темного дерева. За столом у окна восседала женщина лет сорока пяти с высокой блондинистой прической, в которую щедрой рукою были вплетены колоски ржи, а весь этот сноп был перевязан кумачовой лентой. Проворно поднявшись со своего места, она подобрала полы длинной юбки и подскочив к гостю, прижала его к груди и облобызала, утопив в аромате сладких духов, в которых Матвей каким-то образом узнал запах из детства – «Красную Москву».

– Здравствуйте, Матфей Сергеевич! Слава Кремлю, приехали наконец! – промурлыкала она, когда Матвей сумел вырваться из ее объятий. – Всеволод Сергеевич вас уже ожидает. Все встречи отменил, чтобы с братом повидаться!

– Спасибо, – пролепетал визитер. – А вы...

– Я – Аврора Ивановна. Если что-то понадобится – смело обращайтесь!

Мэт не знал, что ему может понадобиться от этой женщины, но на всякий случай взял протянутую ею визитку.

– Вам сюда, – Аврора Ивановна приоткрыла перед ним дверь министерского кабинета и подтолкнула внутрь, слегка хлопнув ладонью ниже спины.

Похоже, кабинет брата занимал пол-этажа. От входной двери к массивному министерскому столу вела красная ковровая дорожка наподобие каннской, а над столом висела огромная икона в золотом окладе. За столом, вперившись в огромный монитор ноутбука, сидел сам Сева Корчагин – загорелый, усатый, с седыми волосами, зачесанными назад и с полудюжиной крупных перстней на цепких пальцах. Одет он был в светло-зеленый френч со стоячим воротом, а грудь его помимо россыпи орденов украшала красная звезда на золотой цепи, свисавшей с шеи. Заметив появление брата, он громко крикнул, захлопнул ноутбук, поднялся из-за стола и театрально раскинув руки, направился к нему навстречу, после чего заключил в объятия,

пощекотал усами обе щеки, а затем под руку подвел к стоявшему у окна дивану, куда бережно усадил.

– Ну, здравствуй, братик, – промолвил министр, усевшись рядом. – Право слово, долго же ты к нам добирался! Я ведь тебя уж не первый год в Сталинбург кличу. И вот, хвала Иосифу, сподобился наконец!

– Спасибо за приглашение, братец, – выдавил из себя Матвей, стараясь не провалиться в ложбину между диванными подушками.

– Брось ты этот свой официоз! – потребовал Сева. – Давай по-простому, по-братски. Как сам-то? Несешь слово правое чехам?

– Все путем, – отвечивал Мэт. – Несу помаленьку.

– Тут помаленьку никак нельзя – всем сердцем надобно! Кстати, видел я твою новую работу. Ловко ты америкосов прищучил!

Матвей не понял, о какой именно работе шла речь, но сердечно поблагодарил брата. Затем последовал продолжительный обмен любезностями. Во время разговора он разглядывал висевшие над столом иконы. На одной из них был изображен человек с крысиным лицом на фоне алого знамени, складки которого являли собой что-то вроде пятиконечного нимба. Этот портрет Мэту уже неоднократно встречался – и в городе, и в гостинице, и в министерских коридорах. На другой иконе красовались семь эпичных фигур. В центре – Ленин и Сталин с пятиконечными звездами вокруг голов, развернувшиеся друг к другу таким образом, словно собирались завертеться в вальсе. Над ними парила голова Троцкого в виде шестикрылого серафима. У ног вождей пролетариата выстроились в рядок пять фигур поменьше. Мэт сумел опознать лишь троих из них – Владимира Маяковского, Максима Горького и Никиту Михалкова. Двое других, как ему стало известно позже, были художник Илья Глазунов и скульптор Зураб Церетели. Переведя взгляд на брата, Мэт заметил, что на указательном пальце его правой руки отсутствуют две фаланги – они были заменены золотым гравированным протезом.

Сева поинтересовался, как братец долетел, хороши ли условия в гостинице «Колхозная» и не нужно ли родственничку чего. Матвей же в ответ любопытствовал о здоровье своего племянника, а затем спросил, как дела у Лики.

– У кого? – переспросил старший брат, взглянув на него удивленными водянистыми глазами.

– У жены твоей, братец, – уточнил Матвей.

– Ах, Лукерья-то! Да, все путем, храни ее Двуглав! А то «Лица» какая-то – по-чешски, что ли?

Министр нажал кнопку, вмонтированную в подлокотник дивана, и в кабинет вплыла Аврора Ивановна, толкавшая перед собой столик на колесиках, на котором возвышался пузатый самовар, пара литровых чашек с двуглавыми орлами и вазочка с конфетами «Мишка в Сибири».

– А ведь знаешь, я тебя по делу позвал, – лукаво произнес Сева. – Ну да ты, наверно, и сам догадываешься, по какому?

– Служу Священному Союзу! – уклонился от ответа Матвей.

– Молодец! Так держать! – министр хлопнул брата по колену усыпанной перстнями пятерней. – Так вот, дело-то такое... Мы к Столетию Октября готовим цикл документальных фильмов. Рассказывать будем о жизни в Священном Союзе – друзьям на радость, врагам

на зависть. Всего будет шестнадцать серий, и покажем мы их все 7 ноября. От каждой союзной республики – по одному режиссеру и соответственно по одной серии. Со всеми республиками, кроме Кубы, у нас полный порядок... Ну, а вот с Кубой, сам понимаешь...

– А что, на Кубе с кинематографом совсем плохо? – спросил Матвей.

Брат посмотрел на него внимательно, не отводя взгляд.

– Да, Матфей, на Кубе с кинематографом не очень, – произнес он после нескольких секунд молчания. – И ты, братец, сам должен понимать, почему.

Матвей сделал вид, что понимает и воздержался от дополнительных расспросов.

– Так вот, – продолжил министр, – я решил, что мы тебя как кубинского режиссера и заявим. А то, что ты в дружественной Чехословакии проживаешь – это не важно: задним числом тебя на Кубу переведем.

– Значит, ты хочешь, чтобы я снял одну из серий? Как сериал-то в целом будет называться?

– «Сто лет Октябрю» – решили особо не мудрствовать.

– А хронометраж одной серии какой?

– Час, братишка. Уложишься?

– Уложусь, если надо. Но нужно же сначала материал изучить...

– Так за тем я тебя и вызвал сюда пораньше. Погуляй по Сталинбургу, посмотри, как у нас тут люди живут. А через недельку уже и сценарную концепцию накатаешь. Ну а потом – и сценарий.

Надеюсь, я здесь на неделю не задержусь – произнес про себя Матвей. Перспектива работы над эпопеей, посвященной столетию революции, его абсолютно не радовала, но речь шла не о том предложении, от которого можно было отказаться.

– Ты обедал-то уже? – поинтересовался министр, наблюдая за тем, как брат засовывает в рот третью конфету.

Матвею пришлось признаться, что нет, не обедал.

– Вот я растяпа! Кто ж так брата родного встречает! – Сева хлопнул себя ладонью по лбу. – Значит так, сейчас тебя в министерскую столовую отведут, а потом поедешь Святейшему Двуглаву поклониться. Ну, а вечером ждем тебя к нам домой на ужин. На восемь устроит? Еще в гостиницу перед этим заехать успеешь.

Мэт поднялся с дивана, полагая, что встреча закончена.

– Телефон мой домашний есть? – спросил министр. – А то дома я звездофон обычно отключаю.

– Давай запишу, – Матвей достал из кармана айфон.

– Это еще что? – Сева тоже вскочил с дивана. – Ну, вы там у себя в Чехословакии совсем распоясались! Вражескую заразу в кармане таскать! Дай-ка сюда!

Выхватив у брата айфон, министр положил его на стол и тут же расхерачил малахитовым пресс-папье – Матвей не успел даже охнуть. Вслед за этим Сева достал из ящика стола красную

звезду на золотой цепи – такую же, как та, что висела у него на шее. Он нажал на кнопку, впаянную в алую эмаль, и звезда раскрылась наподобие пудреницы – внутри находился небольшой тачскрин.

– Я на первой кнопке, Аврора Ивановна – на второй, отец Лаврентий – на третьей, – сообщил Сева, протягивая брату звездный гаджет.

– А кто такой отец Лаврентий? – поинтересовался Матвей, принимая подарок.

– Пастырь мой. А теперь и твой. К Святейшему Двуглаву тебя доставит. Но сначала обед, конечно.

– Слушай, Сева, еще одно дело. Я ведь сюда не сам прилетел – с ассистентом. Пашей зовут.

– Это правильно, братец. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Можно я его на ужин захвачу?

– Что за вопрос, Матфейка! За столом всем места хватит!

Была нажата кнопка вызова, и Аврора Ивановна вновь вкатилась в кабинет, излучая благостное радушие.

– Отведите-ка, голубушка, братца моего в столовую, – велел ей министр.

– А ты обедать не идешь? – спросил у него Матвей.

– Не могу, друг любезный, – развел тот руками. – Дела государственной важности. Облатку погрызу, святой водицей запью – вот и весь мой обед.

С этими словами министр прижал брата к сердцу, трижды расцеловал его, щекоча усами и выпроводил за дверь вслед за Авророй Ивановной, а сам вновь уселся за ноутбук, смахнув перед этим со стола то, что осталось от раздолбанного айфона.

8. Усыпальница Двуглава

В министерской столовой, куда Матвей был сопровожден Авророй Ивановной, предлагались три обеда на выбор: ленинский, сталинский и троцкистский.

ЛЕНИНСКИЙ ОБЕД

Салат «Горки»

Щи с мозгами

Свиная котлета с гречневой кашей

Сдобная чернильница с молоком

СТАЛИНСКИЙ ОБЕД

Салат из баклажанов

Суп харчо

Цыпленок табака с картофелем

Сорбет из красного вина

ТРОЦКИСТСКИЙ ОБЕД

Форшмак с гренками

Бульон с мацой

Куриные котлетки с макаронами

Штрудель

За несколько минут втоптав сталинский обед, Матвей понял, что был по-настоящему голоден. Вместо денег он отдал на кассе подписанный Авророй талон и, поблуждав немного по министерским коридорам, выбрался из здания.

Возле «Чайки» его уже поджидал отец Лаврентий, облаченный в рясу цвета хаки и такого же цвета клобук с красной звездой, сдвинутый на затылок. Он вальяжно расселся на капоте машины, покуривая папиросу. Его кадило болталось тут же – цепь его была обмотана вокруг антенны. Заметив приближающегося Матвея, святой отец даже не подумал сменить позу, лишь отшвырнул в сторону папиросу.

– Здравствуй, сын мой! – бросил он режиссеру хриплым голосом, а затем выставил перед собой руку, предлагая поцеловать перстень с двуглавым орлом, надетый на средний палец.

Матвей, уклонившись от поцелуя, неловко пожал руку.

– Ну что ж, в путь, к святыням! – с этими словами отец Лаврентий спрыгнул с капота, отвязал кадило и забрался на заднее сидение машины, за рулем которой уже сидел водитель Гена.

Священник предложил Матвею занять место рядом с ним, и авто тронулось. Выудив из-под рясы флягу с выгравированным на ней профилем Сталина, поп хряпнул изрядный глоток кагора, затем протянул ее спутнику, но тот отказался. Тогда в руке отца Лаврентия появилась зажигалка, с помощью которой он разжег содержимое кадила, которое, как оказалось, было заполнено кусками гашиша. Водитель, учуяв едкий запах, быстро наполнивший салон, слегка

приоткрыл окно и затем всю дорогу покашливал. Матвей тоже открыл окно со своей стороны: расклеиться на куски – это не то, что ему сейчас нужно было.

– Вот ведь блядство, – произнес поп, помахивая кадиллом у себя перед носом. – Раньше воскуришь – улада для ноздрей, а теперь туда будто говна коровьего намешали. Конфискат, блядь, вещдок... Так что, значит, Матфей, из самой Чехословакии к нам прибыл?

Мэт, хоть и был обескуражен и гашишным кадиллом, и неожиданной сменой темы, не подал виду.

– Оттуда, отец Лаврентий.

– Хуентий! – хохотнул его собеседник, а после зашелся кашлем. – Зови меня просто «батюшка». И что, крепчает у вас правоверие? Еретики не выебываются?

– Выебываются маленько, но мы их... Ух... – неопределенно ответил Матвей, хлопнув кулаком по ладони.

– Это хорошо, Матфеюшка, хорошо. Ежели этих выблядков не пиздить, они в конец охуеют. Мы-то тут, у себя, порядок-то навели, а заедешь в какую-нибудь Варшаву – там пиздец. И вражеские голоса слушают, и перед Святейшим Двуглавым шапку не скидывают, и на правоверные устои хуй кладут. Ну, ничего, Матфейка, придет время – мы и ваших чехов приструним, а потом и варягов с греками. Так-то, Матфейка. Матфейка-малофейка!

Поп захихикал – похоже, кадило начало действовать. Что касается Матвея, то он ощущал лишь легкое головокружение – главным образом, потому, что старался дышать не гашишным дымом, а воздухом из приоткрытого окна. Слушая треп отца Лаврентия, становившийся все более бессвязным, Мэт не заметил, как они приблизились к Красной площади – впереди показались шпили островерхих башен. «Чайка» встряла в автомобильный затор, но священник, открыв окно и сняв с головы клобук, поместил его на крышу машины. Как оказалось, в клобук была встроена мигалка, возымевшая на остальных водителей магическое действие – автомобили, толкаясь бамперами, расползлись в стороны, и спустя несколько минут «Чайка» уже заехала на подземный паркинг неподалеку от Исторического музея, где заняла место, отведенное для священнослужителей.

– Ну что, Матфейка, давно ли в Усыпальницу наведывался? – поинтересовался поп, когда они поднимались в лифте на поверхность.

– Давненько, батюшка, – пробормотал Матвей.

– Небось, еще до шапки Мономаха?

Мэт не понял, какое отношение шапка Мономаха имеет к мавзолею и решил ограничиться кивком. Его спутник выглядел теперь предельно собранным – будто не он всего пару минут назад одурманивал себя гашишным дымом.

– Вот она, родимая, площадь наша Красная. Сердце Сталинбурга! – не скрывая восхищения произнес священник, когда они выбрались на поверхность у Никольской башни.

Первое, что бросилось Матвею в глаза – то, что площадь была красной в полном смысле этого слова: каждый ее булыжник был выкрашен алой краской, а затем вскрыт лаком, отчего мостовая под ногами как будто была выложена черепами с только что снятыми скальпами. Чуть вдалеке виднелся мавзолей, украшенный надписью «Усыпальница Святейшего Двуглава», и к нему вилась длинная очередь, изгибавшаяся у ГУМа и уходившая в сторону пранич-

ного Храма Василия Блаженного. Опустившись на колени, отец Лаврентий прильнул губами к одному из камней.

– Целуй землю святую, пидарас! – велел он Матвею. – Что стоишь как поц?

Мэту пришлось подчиниться. Поднявшись с колен, они направились в сторону мавзолея. Несмотря на будний день, площадь была запружена народом – от ярких косovorотов и нарядных золоченых кокошников рябило в глазах. Чтобы расчистить дорогу, батюшка включил мигалку на своем клобуке, и празднично шатающиеся срыгнули в разные стороны, образовав широкий проход. Поп, как и следовало предположить, направился не к краю очереди, маячившему чуть ли не в километре от них, а сразу к усыпальнице. По мере приближения к гранитному строению Матвей заметил, что многолюдная очередь устремлена к рамкам металлоискателей, расположенным в сотне метров от входа. Однако рамки эти были высотой не в человеческий рост, а доходили примерно до пояса – чтобы преодолеть их, паломникам приходилось опускаться на колени. От рамок в сторону мавзолея вел зарешеченный сверху и по бокам проход такой же высоты, так что добраться до усыпальницы можно было только ползком на карачках.

По пути отец Лаврентий прочитал Матвею небольшую лекцию об устройстве Усыпальницы Святейшего Двуглава и о той важнейшей роли, которую играла в ней шапка Мономаха. Если верить словам попа, в 2013 году, в шестидесятую годовщину успения Святого Иосифа, союзные ученые совершили революционное открытие. Они нашли способ считывать мозговую активность Двуглава, транслируя эти сигналы на шапку Мономаха. Теперь, надев эту шапку, можно было проникнуться величием мысли двух титанов, которые продолжают управлять Священным Союзом, не пробуждаясь от своего вечного сна. В этом сне они видят великое будущее своей Родины, а также – тот единственно верный путь, который к этой цели ведет.

Первым, кто опробовал на себе высокотехнологичное устройство, стал генеральный секретарь ЦК ПКСС, Александр Александрович Птушка. Теперь каждый свой рабочий день он начинает с визита в Усыпальницу, где получает инструкции по управлению страной непосредственно от Святейшего Двуглава. По настоянию генсека чудесное открытие стало доступно широкой общественности – теперь каждый гражданин Священного Союза может надеть на себя шапку Мономаха, чтобы ощутить великое таинство единения с мыслительным процессом святых Владимира и Иосифа. Услышанное вызвало у Матвея множество вопросов, главный из которых относился к тому, какие именно мыслительные процессы могут быть у двух мумифицированных трупов. Но все свои вопросы он благоразумно решил оставить при себе и, конечно, правильно сделал. Отец Лаврентий же закончил свой экскурс следующим образом:

– Тут всякие еретики поганые повадились пиздеть, что, мол, именование «Двуглав» не соответствует Тринединному Священству. На что мы неизменно отвечаем: у Революции две головы орлиные и одно сердце львиное. Святого Льва мы чтим именно как движущую силу Великого Октября, как пламенный импульс, над всю Землю воссиявший. И символично, что голову свою он сложил под натиском беспощадного ледоруба, а прах его покоится в далеких мексиканских краях. Но сердце его незримо присутствует здесь, в Усыпальнице Святейшего Двуглава, озаряя его словно алая немеркнущая звезда. Вот так-то, блядь.

Тем временем они приблизились к рамкам металлоискателей, однако ползти на карачках дальше им не пришлось. Отец Лаврентий получил у одного из милиционеров, стоявших на посту возле рамок, какую-то пилюлю, расписался за нее в ведомости и протянул Матвею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.